

Политрук Коломиец. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

Политрук Коломиец. Василий Владимирович Быков

К вечеру бой затих.

На изуродованную землю постепенно осела поднятая бомбежкой пыль, в чистой небесной выси зажглись первые звезды. Комполка Пахомов и политрук Коломиец выбрались из бомбовой воронки и, встав на её краю, оглянулись на то, что осталось от занятого ими вчера железнодорожного разъезда. В общем, разъезда не было. Глинобитная казарма для рабочих и пакгауз рядом напоминали о себе лишь темными горбами на окраине такого же черного неба; поодаль вонюче дымились разбросанные взрывами штабеля шпал. От ряда стройных тополей возле дороги остались обгрызенные взрывами обломки с обвисшими прутьями сучьев. Хорошо, однако, что остались эти тополя, а то бы и не узнать, где находился разъезд, думал политрук. Час назад во время жестокой бомбежки невозможно было и предположить, что тут что-то уцелеет – от этого разъезда или полка, в спешке окопавшегося рядом в сухой окаменевшей земле.

К ночи донимавший людей дневной зной стал опадать, хотя горячий суховей из степи еще приносил мало прохлады, разгоряченное тело горело под пропотевшим обмундированием, очень донимала жажда. К несчастью, колодец возле казармы с утра был разворочен, засыпан взрывами, бойцы из саперного взвода как-то пытались добраться до воды, но пока без результата. Политрук Коломиец между тем долго и старательно стряхивал с себя пыль и землю, рядом, уронив голову, присел командир полка. Недостаток воды вызывал у него новую заботу, на время вытеснив из сознания все остальные. Вода была нужна бойцам, нужна для кухни; еще более нуждались в ней пулеметчики, три «максима» которых совершенно обезводились и не стреляли; в два последних собрали остатки воды из фляг. Сегодня полк выдержал шесть жесточайших бомбежек – сначала трех «хейнкелей», потом девяти и пятнадцати, а потом уже никто и не считал их. Правда, людские потери были умеренными, все-таки бойцы успели кое-как окопаться с утра поодаль от железнодорожных путей в поле. К несчастью, убило последних двух лошадей, таскавших полковую кухню, и теперь ни воды, ни провианта привезти было не на чем. Наверно, действительно придется погибать на этом проклятом разъезде, думал командир полка. Отсюда уже не отступишь, как отступали от самого Воронежа. Вчера, только они успели занять этот разъезд, прискакал порученец комдива и вручил под расписку приказ Верховного номер 227 под девизом «Ни шагу назад!». Умри, но не отступи. Это касалось всех – от командарма до последнего бойца, что бы он ни оборонял – город, станицу или такой вот разбитый, почти сровненный с землей разъезд. Порученец сообщил также, что уже есть и результаты неисполнения приказа: в соседнем полку отдали под трибунал одного комбата и расстреляли на месте ПНШ по разведке. Было от чего опечалиться.

– Так что делать будем, комиссар? – нарочито бодро спрашивал в темноте приунывший командир полка.

– Будем стоять, – просто отвечал политрук Коломиец. – Что же остается...

– Другого не остается, – скупно соглашался комполка. Обсуждать приказ не полагалось, тем более приказ Верховного.

– А где та станица? Далеко? – с новой озабоченностью спросил политрук, припомнив другой приказ порученца – устный из штаба дивизии: ночью получить пополнение. Сколько было того пополнения, он не знал, но прежде всего полагалось провести с ним политрабату, особенно теперь, когда прибыл такой важный приказ. Это уже была обязанность политрука, и Коломиец обеспокоился.

– У Артюха спросите. Который из санвзвода, – сказал комполка. – Он раненых водил, знает.

Коломиец пошел в темноту, тихо окликавая Артюха, и вскоре перед ним замаячила приземистая фигура в пилотке, со скаткой через плечо.

– Пойдем в станицу. Дорогу помните?

– Дорогу? Да вон напрямки, через степь, – глухо ответил боец, поправляя на плече винтовку.

политрук Коломиец. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Возле поваленного через дорогу тополя они свернули в степь. После долгого дневного грохота бомбежек приятно впечатляла почти мирная ночная тишина, деликатно нарушаемая лишь приглушенным стрекотом цикад. Запыленные сапоги отчаянно шуршали в столь же пропыленном сухом бурьяне. Боев поблизости не было слышно, лишь где-то на западе, над мрачным горизонтом время от времени вспыхивали дальние артиллерийские отсветы и едва доносилась артканонада. А так вокруг все притихло, затаилось. Надолго ли, озабоченно думал политрук. Разве что до утра...

– Откуда родом, Артюх? – спросил он бойца, который молча брел следом.

– Я? Да из курских.

– Курский соловей?

– Ну.

– Из города, из села?

– Да с колхоза, – вздохнул Артюх. – Колхозник.

Он сказал это так просто, будто все остальное само собой подразумевалось без слов и ни о чем не было нужды спрашивать. Политрук и не спрашивал. Родом он также был из села, хотя и не из курского – из смоленского, два года перед войной работал директором школы. Перед тем как партиец активно загонял крестьян в колхозы, раскулачивал, ссылал в Заполярье, подписывал на займы, взыскивал налоги. Занимался всем, чем тогда занимались партийцы-активисты в городе и в деревне, чем занималась страна. Колхозная жизнь ему была хорошо знакома, и ныне не возникало желания что-либо из нее обсуждать или вспоминать даже. Куда больше занимала их невеселая действительность на разъезде да этот устрашающий сталинский приказ. Знал, чувствовал, что завтра придется куда как горячо, а выхода не предвиделось. Выход на войне всегда находился в тылу, куда отступали, иногда давали драпа, бежали и тем спасались. А теперь вот за отступление без разрешения – трибунал. Какой позор!.. Опасность наваливалась на них с двух сторон: привычная – со стороны немцев, и новая – с тыла от своих. Если уж такой приказ товарища Сталина, то пощады от начальства не будет – ни бойцам, ни командирам. Хорошо, если повезет с пополнением, дадут обстрелянных бойцов. А если новобранцев, запасников? Да еще хуже – черноголовых из Средней Азии, которые – ни бельмеса по-русски. Вот тут и выполняй приказ Верховного.

Полынь жестко шуршала под кирзачами, политрук прибавил шаг, все-таки за короткую ночь надо было успеть туда и назад. Как бы не опоздать до рассвета. И ему показалось, что Артюх отстает, он оглянулся раз и другой, слегка замедлил шаг. А может, тот и вовсе хочет отстать? – подумал политрук. Такие молчуны способны на все, кто знает, что этот в себе носит. Мало ли их, молчаливых и разговорчивых, поисчезало за короткие ночи их отступления, и никто не заметил куда. Но известно куда – домой. «Быстрее нельзя?» – обернувшись, с упреком сказал политрук. Артюх невнятно пробурчал что-то в ответ, но не прибавил шага. Конечно, бойцу что – бойца за отступление под трибунал, может, и не отдадут, отдадут командиров да его, политрука, тоже. Но больше, чем от командиров, исполнение того приказа все-таки зависело от бойцов: побегут в горький час или выстоят? Если побегут, не стерпев, тогда, считай, все пропало, – попробуй, удержи их среди этой голой, прогорклой от полыни степи, невесело рассуждал политрук.

Все-таки они добрались в ночной темени до окраины станицы и за полем подсолнечника в садике услышали тихое шепуршание множества людей. То и дело спрашивая ночных встречных, политрук отыскал в кривобокой мазанке командира этой маршевой роты – разбитного младшего лейтенанта, который сообщил, что имеет приказ всю роту передать в его стрелковый полк. Коломиец поинтересовался, что за народ в роте, и младший лейтенант охотно рассказал, что все из запасного полка, сформированного на Саратовщине, недавние запасники районных военкоматов. Молодых мало, больше людей среднего и пожилого возраста, в запасном поучились месяц-другой, получили винтовки и – на фронт. Благо – теперь недалеко, фронт приблизился к самым стенам саратовских сел, так что...

Так что с этими вот дядьками, обсевшими садок и подворье и с затаенным вниманием покуривавшими свои самокрутки, и надо идти в полк, оборонять разъезд. Завтра он

Политрук Коломиец. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru будет побеждать или умирать – воевать без права отойти хотя бы на сотню метров, как сказал вчера порученец комдива и как требует сталинский приказ. Хорошо, если немцы не пустят танки. Хотя и вчерашней бомбежки, наверно, хватит с избытком для этих необстрелянных деревенских дядек. Вчера под вечер, когда полтора десятка «хейнкелей» со включенными сиренами почти колесами утюжили разъезд, сам политрук боялся сойти с ума от нестерпимой пытки. А как им? Пожилым? Да впервые?

Он получил пятьдесят шесть человек, кое-как построил их – каждого с ладным «сидором» за спиной, с шинельной скаткой через плечо, и повел в степь. Немного отойдя от станичной околицы, остановил возле черной в ночи стены подсолнухов. До рассвета оставалось около полутора часов, разъезд был недалеко. Пожалуй, самый раз было провести политбеседу относительно приказа – разъяснить, воодушевить, призвать – без чего не обходилась ни одна приемка пополнения на фронте. В этом на войне заключалась первейшая обязанность политработника, и Коломиец стремился исполнить ее добросовестно.

Другое дело, как все объяснить, какие употребить слова, чтобы успешнее дойти до солдатского сердца, особенно когда враг рядом, времени в обрез, а оружие... Докопались ли там до воды, с тревогой подумал политрук. А то завтра останутся без пулеметов, и тогда никакой приказ не поможет. Даже сталинский.

– Садись все, – сказал политрук. – И ближе ко мне. Слыхали про новый приказ товарища Сталина?

– Слышали... Говорили, – глуховато отозвалось несколько голосов спереди.

Бойцы старательно и не спеша усаживались в пересохшем степном бурьяне. Политрук несколько выждал, пока вокруг утих шорох, и начал беседу – притихшим голосом, по возможности сердечнее, чтобы лучше воздействовать на возбужденные души людей, внимательно ловивших каждое его слово. Все-таки они впервые прибыли на фронт, где уже завтра многим из них придется умереть.

– Товарищи, коварный враг уже в сердце нашей родины, и товарищ Сталин издал приказ: ни шагу назад! Мы должны умереть, чтобы этот приказ выполнить, назад пути для нас нет...

Он и еще говорил, стараясь как можно проще и доходчивее, но что-то у него получалось не так, как хотелось. И он был недоволен своими словами, казавшимися теперь не теми и не такими. А умолкнув, немного выждал, прежде чем начать снова, и тогда услышал хриловатый, какой-то очень далекий от его забот голос кого-то из задних в этой группе людей:

– А завтрак будет, товарищ политрук?

– Завтрак будет, будет завтрак, товарищи. У нас, знаете, вышла неуправка с водой, завалило колодец...

– Завалило, – произнес кто-то поблизости: с недоверием или, возможно, с сочувствием, – так и не понял политрук.

– Знаете, на фронте бои, все случается. Двух лошадей разорвало бомбой, так вот знаете... Но мы, бойцы Красной армии, исполняя присягу, должны стойко переносить все тяготы и лишения и победить. Мы и победим! Мы выстоим, товарищи, и выполним приказ товарища Сталина, скрутим рога Гитлеру и добьемся счастливой жизни. Хорошая жизнь настанет, – почти вдохновенно произнес он вполне вдохновенные слова. Но его слушатели почти не отреагировали на них и угрюмо молчали, словно были не здесь, а где-то совсем в другом месте. И он почувствовал это.

– Знаете, и колхозов не будет. Распустят колхозы, чтобы жили как прежде. Как жили при Ленине, – вдруг неожиданно для себя окончил политрук, внутренне содрогнувшись от собственной неожиданной решимости. Люди перед ним как-то странно и вовсе притихли в темени, никто не кашлянул, даже не шевельнулся в бурьяне, и это его взбодрило.

– Не будет колхозов, я вам говорю, будет иная жизнь, только бы нам выстоять нынче, как требует товарищ Сталин. Ни шагу назад! Призвав, как и следовало в конце выступления, политрук почувствовал, что сказал все. Выложил все свои пропагандистские козыри. Несколько, правда, фальшивые

Политрук Коломиец. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru козыри, сам понимал это, но и самые эффективные. Других козырей у него не было. И он сам готов был поверить в сказанное. Наверно, должно быть так. Потому как же иначе? Остальное уже зависело не от него – зависело от противника, фронтовых обстоятельств, этих вот измотанных саратовских мужиков, недавно еще, перед войной, переживших такое, чего не дай бог никому. В госпитале один командир потихоньку рассказывал, как в тридцатые на Саратовщине вымирали колхозные села. Случалось, люди питались человечиной, такой лютовал голод. Имея такое в памяти, вряд ли возможно выстоять и выполнить приказ. Даже самого господа бога. Час спустя политрук Коломиец привел маршевую роту на разбомбленный разъезд, в предупредительной тишине остановил возле воронки командира полка. Посвежевший к утру ветерок тихо шумел остатками листвы на ободранных тополях, удушливым нефтяным дымом воняли недогоревшие шпалы. Воды все не было, еще не докопались. Из земных недр сочилась липкая грязь, которую бойцы осторожно сцеживали в круглые котелки. Заливать в походную кухню было нечего. Завтрак задерживался. Многие из бойцов в то утро так и не успели позавтракать, другие не позавтракают уже никогда. Как только из-за покрасневшего горизонта выкатилось жгучее с утра солнце, снова налетели «хейнкели». Минут двадцать они долбали бомбами и без того разбитый разъезд, затем – пути по обе его стороны. Возле обгоревших остатков штабелей разбила походную кухню. Только самолеты улетели на запад, как из степи появилась пехота в бронетранспортерах. Транспортеры остановились поодаль, в просянном поле, а пехота неровную цепью двинулась к дымящим руинам разъезда. И тогда с флангов ударили заправленные грязью «максимы», за ними стали дружно бахать винтовки – саратовцы, едва успев окопаться в неглубоких окопчиках-норках, не прекращая, били и били по просу. И, о чудо! Сначала по одному, а потом и дружнее немцы начали пятиться к своим транспортерам, которые уже включили задний ход. «Главное – выстоять! Главное – выстоять!» – повторял в воспаленных мыслях оглушенный бомбежкой политрук Коломиец. Вместе с командиром полка он весь бой просидел все в той же огромной воронке. На ее дне, до пояса засыпанный землей, горбился над своим аппаратом боец-телефонист. Связи, кажется, не было. Политрук и комполка чувствовали это, хотя ни о чем не спрашивали, сообразив, что так, может, и лучше. В таком неопределенном положении им сподручнее было без связи – ее отсутствие избавляло их от скверных докладов, гнева и ругани.

А потом были и еще две суматошные атаки. Немцы разбила на правом фланге «максим» и зацепились за дымный от догорающих шпал конец разъезда за стрелками. Тогда тот самый Артюх с группой своих и саратовцев подобрался под огнем к стрелкам и гранатами выбил немцев с разъезда.

К вечеру как-то все помалу затихло, немцы из проса убрались. Севернее в небе вертелась самолетная карусель – «хейнкели» бомбили соседнюю станцию. Комполка с запыленным, обросшим светлой щетиной лицом обернулся к политруку с почти детской радостью в темных глазах.

– Выстояли, ага?

– Ну, – коротко ответил политрук, почему-то, однако, не разделяя его простодушной радости.

– А ты сомневался. И это... Напрасно ты – о колхозах...

– Может, и напрасно, – ответил политрук и выбрался из воронки.

С той самой минуты, как из просяной нивы исчезли немцы и умолкла беспорядочная стрельба на разъезде, в душе у политрука зашевелилось сомнение. Вчера он был почти уверен, что не переживет этого дня (да еще под таким строгим приказом), и заботился лишь о том, как выстоять. Не дать бойцам побежать, оставить разъезд. И вот не побежали и не оставили. Неожиданно для себя и он уцелел, и даже не ранен. И цел-невредим командир полка. И все же...

Действительно, зачем ему было говорить о колхозах?

Уже в глухой темноте на разъезд прискакал конный посыльный из штаба дивизии и передал устный приказ генерала отойти к станице. Памятуя другой приказ, комполка ему не поверил – затребовал письменное приказание. Тем временем, пока посланец ездил по степи, из штаба протянули провод, и комполка услышал знакомый голос комдива. Генерал действительно приказал занять новый рубеж. Получилось так, что хотя полк и выстоял, зато не выстояли соседи, и немцы охватывали дивизию в клещи. Надо было спешить, потому что и без того они потеряли время на выяснение сути приказа и его правомочность. Бойцы торопливо забросали землей шестерых

политрук Коломиец. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru убитых, взяли на руки два десятка раненых. В непроглядном мраке летней ночи колонна двинулась через степь к станице. Саратовцы уже перемешались со старыми стрелками и молча тащились все вместе, жуя на ходу сухари. Впереди колонны шел комполка и рядом – грустный, опечаленный политрук. Он правильно предугадывал свою судьбу, радоваться было нечему. Как только полк вошел в станицу, возле садка, где вчера собиралось пополнение, их остановила группа командиров. Тут был начальник штаба дивизии, еще какие-то чины. Комполка коротко доложил о дневном бое, и начштаба похвалил полк. Но один или два командира из его штабной группы подошли ближе к притихшей колонне, и тот, что был впереди – кряжистый мужчина в форменной фуражке, – задержался возле политрука.

– Коломиец? – негромко спросил он, вглядываясь в лицо политрука.

– Я.

– Пройдемте со мной.

Коломиец все понял: это был начальник особого отдела дивизии. Тот отделил политрука от полковой колонны и повел куда-то во двор скособоченной мазанки, стена которой тускло белела за цветником. Больше политрука Коломийца в полку не видели.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!